

ГРАНИЦЫ

7 октября 2017

ДВЕ СТОРОНЫ ГРАНИЦЫ

Когда мы говорим «граница», на ум первым приходит линия — тонкая черта на карте. Но стоит хоть раз попытаться её пересечь, и понимаешь: граница — это не линия, это опыт. Она оставляет след в теле, передаётся через поколения, меняет путь воды, переписывает память земли. Граница — не только географическая; это одновременно правовая фикция, военный аппарат, экономическая машина, психическая рана, категория идентичности и телесный опыт — всё разом.

Движение вдоль границ распределено неравномерно. Одни перемещаются свободно — визовая привилегия, мобильность капитала. Другим препятствуют или их криминализируют — мигранты, бедные, расово отмеченные тела. Вопрос всегда один: кто перемещается? При каких условиях? С чьего разрешения?

«Один из выступавших, рассказывая, что значит расти в приграничье, говорит: „Деда сослали. Отец стал беженцем. Я вырос со страхом, которому не могу дать имени. Границы прошли через тела и через поколения".»

Чтобы понять политику границ, надо сначала спросить, что граница делает. Кто поставил эту границу? Реальна ли она, навязана ли? Что эта граница делает возможным, что невозможным? Границы не только ограничивают передвижение; они определяют, кем кому быть. «Гражданин границы» — иное существо, чем безграничный субъект. Границы производят категории — беженец, мигрант, гражданин, Другой.

Каждый рассказ о пересечении границы заново подтверждает саму границу. «Я пересёк границу» или «я застрял на границе» — оба укрепляют реальность границы. А что если говорить об общем достоянии? Тысячелетиями люди жили на общих землях. Только в последние пятьдесят-пятьсот лет эти земли были национализированы, огорожены, разграничены. Когда мы говорим «мигрант», мы на самом деле говорим о людях, у которых украли общее — а не о людях, изначально лишённых места. Восстановление памяти о том, что было общим до границ, расшатывает естественность границ.

МОЛИТВА О ДОЖДЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Тот, кто рассказывает о границах журналистики, уводит нас совсем в другое место: в страдающие от засухи деревни Анатолии. То, что он находит, исследуя традицию молитвы о дожде, — это нечто гораздо большее, чем метеорологический ритуал.

«Собирается еда, готовится вместе, относится в дом самой бедной семьи деревни. Старик говорит: „Может быть, ради этих маленьких животных Бог примет нашу молитву". Это не справедливость как понятие, это справедливость как проживаемая практика. Освящение взаимной зависимости.»

Молитва о дожде — на самом деле приграничная практика; она стоит на границе между видимым и невидимым, научным и духовным, индивидуальным и коллективным. Тот, кто её исследует, открыл этот ритуал, занимаясь климатической журналистикой. Между профессиональной журналистикой и активизмом, между сбором ясной информации и жизнью с неопределённостью. Он не может остаться в профессиональных границах новостного мира; потому что то, что он рассказывает, выходит за их пределы. Он собирает ясные данные о стенах, плотинах, конфликтах — но постоянно несёт в себе неоднозначность того, что с этой информацией делать.

В моменты кризиса есть ясность — стена, плотина, конфликт; видимы, документируемы. Кризис рождает проекты. Но во времена вне кризиса неоднозначность накрывает всё, и растёт чувство разрозненности. Как оставаться с этой неоднозначностью? Невозможность решения, если она не парализует, может быть полем возможности. Нужно сопротивляться побуждению решить слишком быстро. Двигаться с неоднозначностью — но включая других, не давая неоднозначности превратиться в паралич.

ОСТАТКИ И СВИДЕТЕЛЬСТВО

Тот, кто занимается видеоактивизмом, рассказывает, что документирование — это не простая операция записи. Работая с мигрантами, он начал интересоваться остатками — тем, что осталось позади, тем, кого не сосчитали, тем, кого оставили за пределами официального рассказа. Остатки, кроме экономического понятия, представляют людей, истории и опыт, которых сделали невидимыми.

«В какой-то момент мы уже не документировали границы — границы прошли сквозь нас. Пропась между снятым изображением и проживаемым опытом стала главным материалом. Мы превратились в то, над чем работали.»

Документирование участвует в делании мира. Делает видимыми стираемых акторов. Но само документирование тоже проводит границу — между этой стороной камеры и той. Кто говорит? Кто слушает? В чью пользу? Эти вопросы составляют и силу, и этическую ответственность свидетельства.

Понятие «остатков» — здесь нечто гораздо большее, чем экономический термин. Это каждый опыт, каждая история, каждый человек, оставленный за пределами официального рассказа. Действие собирания — архивирование, перераспределение — это практика, не претендующая на авторство. Собирачество — это не присвоение, а действие передачи. И эта передача сама по себе — нарушение границы: она давит на границу того, что считается ценным, того, что считается новостью, того, у кого есть право голоса.

ПЕРЕВЁРНУТЫЕ КАРТЫ

Художница рассказывает о действии перевёрнутой карты мира. Африка наверху, Европа внизу. Та же география — иная реакция нервной системы. Этот визуальный переворот раскрывает, насколько искусственно наше нормализованное разделение.

«Белые перья при входе — мягкость, забота, начало. Чёрные перья на выходе — плотность, конец. Посетители шли сквозь перья к звёздам. Космическая перспектива делала границы абсурдными.»

Художественная практика — это не иллюстрация понятий. Это форма производства знания, недостижимого иными методами. Перевёрнутые карты, перьевые инсталляции, записи дыхания — это не эстетические выборы, а эпистемологические вмешательства.

Для художницы из семьи беженцев граница никогда не была абстрактным понятием. Она выросла в Измире, но никогда не была вполне «оттуда». Опыт принудительного перемещения, переносимый в семье, постоянно напоминает о телесном измерении границы. В работе «Strange Fruit» — название, взятое из песни Билли Холидей — она переворачивает мир. Южное полушарие вверху, северное внизу. Та же планета, но когда меняется угол зрения, нервная система

испытывает шок. Наша нормализованная иерархия — не что иное, как культурный выбор проекции Меркатора.

Работать на границе разных способов мышления: ходить, дышать, собирать-свидетельствовать, переворачивать. Все задают один и тот же вопрос: как мы знаем по-другому, когда сдвигаются границы?

ТО, ЧТО НАЗЫВАЮТ ПЛОТИНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Тот, кто шагает по линии защиты Северных лесов, следует за каменоломнями и идёт по границе города. Чем больше камня извлечено, тем дальше уходит граница. Все мы соучастники в движении этой линии добычи.

«На границе Ширнак-Хаккари построено одиннадцать плотин — плотин с нулевой функцией управления водой. Сугубо военные. Понятия „плотина безопасности“ нет в мировой литературе. Мы изобрели его случайно.»

Вода не знает границ, но граница определяет воду. Когда плотины меняют ход воды, они заново определяют и условия жизни всего живого в этом районе. Экологические границы предшествуют политическим и формируют их. Воду, геологию, экологию нельзя отделить от политических границ — границы пересобирают экосистемы. Один проект водной лаборатории, путешествуя по разным районам, сводит вокруг водных вопросов местных акторов — земледельцев, инженеров, активистов, исследователей. Роль фасилитатора важна: не быть экспертом, а создавать пространство для того, чтобы разные люди вместе думали об общих водных проблемах.

Маршрут прогулки превращается в инструмент мониторинга. Фотографии участников становятся коллективным документом городской реновации. Против экспертного планирования — соучаствующая прогулка; демократизация производства знания.

Но вода — не только проблема Стамбула. Другой голос, занимающийся картированием экологической справедливости, говорит о глобальной сети: Индия, Латинская Америка, Африка, Балканы. Какие сообщества несут экологическое бремя экономического роста? Кому принадлежат ресурсы? Кто получает прибыль, кто страдает? Сами карты создают диалог — активисты вносят данные, заново обрамляют свою борьбу как часть глобального узора. Эта работа сознательно направлена с Севера на Юг и с Юга на Юг — это не извлечённое исследование, навязывающее категории Севера. Исследователи не изучают сообщества; они помогают сообществам, которые уже самоорганизуются, проговаривать собственный анализ. Производство знания смещается от академической добычи к практике, центрированной на движении.

ПОЗИЦИОНИРОВАТЬ СЕБЯ КАК ЗВЁЗДНУЮ ПЫЛЬ

Тот, кто переехал в Мардин, начинает рассказ с истории о саранче. В шаманической традиции прыжок саранчи знак перемены жизни — хорошей или плохой, неопределённо. Он остаётся там четыре года. Прыжок ещё движет им.

«На экзамене на доцента спросили: „Как вы себя позиционируете?“ Самый честный ответ вышел: „Я позиционирую себя как звёздная пыль“. Моя практика отказывается от фиксированного позиционирования, остаётся рассеянной и на основном уровне.»

Эта рассеянность — не побег, а этическая позиция. Он исследует разницу между коллективным трауром и проживанием траура — разные языки, разные контексты, разные народы. Там, где слов недостаточно, он начинает собирать звуки дыхания людей, переживших травму. Но использовать чужие записи дыхания изначально неэтично. Решение: сначала, разговаривая с психологом о собственных утратах, записать собственное дыхание. Только тогда возникает право работать с

голосами других. Опасность, дискомфорт, нарушение границы — необходимы для роста. Детские погружения, дыхательная практика через травму, обучение жить в незнакомых местах, отказ от деления между искусством, жизнью и знанием — всё это части одного движения.

Этот человек, после Гези оставивший частную школу и поехавший основывать факультет изящных искусств в Мардинском университете Артуклу, говорит о страхе оторваться от Стамбула метафорой рыбы, выброшенной из воды. Но в Уганде, в Руанде, в задней части автобуса без амортизации, когда напрямую чувствует пол, когда свидетельствует исцеление после травмы — он чувствует себя «дома» больше всего.

Этот «дискомфорт» аутентичнее, чем принадлежность, основанная на безопасности.

Он делает зашифрованные карты, но никогда их не завершает — обычные карты показывают координаты, а его карты показывают, как место открывается через взгляд, через телесное внимание. На границе Эскишехир-Ениширан он восемь часов рисует большую каменную поверхность, пока на вершине звучит речь Эрдогана. Рисунок становится картой: куда смотрит каждая точка, что видно в каждом направлении — линии электропередач, старое армянское кладбище, крепость, открытая для одних и закрытая для других. Слишком сильно нажать карандашом — продырявить бумагу — физическая метафора того, как внимание может ранить.

ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ ИЛИ ВОССТАНОВИТЬ?

Самый разительный вопрос встречи таков: мы только документируем или возможно восстановление? Возможно, возможно только самовосстановление — но коллективное самовосстановление требует эволюционного прыжка. Документирование не пассивно — оно делает видимыми стираемых акторов, участвует в делании мира, несёт риск преобразовать то, что записывает. Но выйти за пределы документирования, двинуться к перестройке мира — на что это похоже, пока не ясно. Вопрос остаётся открытым, и, возможно, должен остаться открытым.

«Животные не знают границ — вода течёт под стенами. Если мы перестроим экологию через границы, мы преобразим всё.»

В свободной дискуссии один голос предлагает перестать восхвалять пересечение границы и начать ставить под сомнение саму границу. Рассказы о пересечении границы заново легитимируют границу. Главное — вспомнить общее до границы — воду, землю, практики. Эта работа исторической памяти расшатывает естественность границ.

Другой голос говорит о работе гендера как границы. Модель, переставшая удалять волосы на ногах, получает угрозы изнасилованием. Когда вы пересекаете определённые границы, вы сталкиваетесь с властью, охраняющей эту границу. Власть хочет, чтобы вы оставались «читаемыми», понятными в существующих категориях. Тела становятся знаками границ; отказ от соответствия — это акт отказа от категоризации.

Голоса, собравшиеся в этой встрече, идут из разных дисциплин, но сходятся к общему вопросу: как понимать границы, не натурализуя их? Не романтизируя пересечение границы, не идеализируя безграничность, признавая, что граница одновременно охраняет и ограничивает. Некоторые границы нас защищают, некоторые позволяют думать, некоторые несправедливо ограничивают. Различие между навязанными границами и выбранными границами — важно. Исследователь, чтобы понять, проводит аналитические границы — но не смешивает эти аналитические границы с проживаемыми. Различать, какие из них к чему относятся — это делящаяся практика.

«Я чувствовала одиночество. Эта встреча ломает одиночество и показывает, что параллельные работы делаются в разных дисциплинах. Мы не должны делать это в одиночку.»

Один голос говорит о желании сотрудничества: о волнении соединить разрозненно собранное с тем, что другие собрали иначе, и вместе преобразовать эти коллекции. Другой хочет завязать диалог о том, как государственная власть работает через воду и плотины. Третий спрашивает, как интериоризованные границы определяют, что мы видим возможным. Каждый голос предлагает свою практику как предложение — не как ответ, а как приглашение к совместному мышлению.

Энергия встречи о границах — это энергия плодотворной неоднозначности, направленная не на разрешение вопросов, а на их углубление, не на выписывание рецептов, а на сохранение любопытства. Участники выражают облегчение от того, что нашли других, задающих похожие вопросы в, казалось бы, далёких друг от друга областях. Ни одна дисциплина в одиночку не достаточна. Чтобы понимать границы, нужно

одновременно работать в телесном, художественном, активистском, академическом и аффективном модусах.

Этическое обязательство, лежащее под этой работой, ясно: делать видимыми вдоль границ, свидетельствовать и поддерживать практику солидарности — внимательно наблюдая, как наши собственные практики документирования могут переписать те самые границы, которые мы пытаемся понять.